
ПРЕДИСЛОВИЕ

Этой книги, которая занимает особое место в моей биографии, могло и не быть. Я написал текст о своем опыте преподавания музыки детям и отправил его в один из литературных журналов. Редактор, прочитав текст и в итоге так и не взяв его в журнал, предложил мне написать новый рассказ об особых людях и их взаимодействии с театром. Я давно хотел сходить на спектакль, где были бы заняты актеры с особенностями развития, но все откладывал. И вот этот день, который перевернул мое восприятие мира, наступил. Я, актер, режиссер, молодой писатель, жизнь которого наполнена театром, спектаклями, репетициями, вымыслом, одной большой и долгой иллюзией, попал в мир особых людей, столкнувшись лицом к лицу с его неприкрытой правдой, болью, верой и надеждой на лучшее, по-другому взглянул на свой путь, наконец увидев то, что так долго скрывалось от моих глаз. Так из одного рассказа родилась целая книга, наполненная долгожданными и совсем случайными, но, как оказалось, не случайными встречами

с людьми, знающими не понаслышке, что такое мир особых детей, — педагогами, врачами, тьюторами, волонтерами. Мне было важно, чтобы эта книга бережно и деликатно делилась с читателями опытом, но не припечатывала их к земле, давала надежду, согревала, была рядом в трудные времена.

1. БЛАГОДАРНЫЙ ПЕПЕЛ

Вот уже скоро шесть лет с того момента, как я переехал в Москву. В Москве год — за два, а то и за три. За это время я успел сменить не один театр, из каждого я уходил сам, чем горжусь. Почему? Не знаю, но ведь гордиться в малых дозах — это полезно для организма. Я уходил оттуда, где мне переставало быть интересно. Интересно/неинтересно — два мерила моей жизни тогда и сегодня.

Был период, когда я не работал в театре, не играл новых ролей. Чтобы прокормиться, я занимался репетиторством. Я не искал эту работу сам, что-то приходило ко мне через моих друзей, которые советовали меня как умеющего работать с детьми чувака, что-то падало прямо с неба, и я до сих пор не могу понять, кто же меня порекомендовал этим довольно влиятельным людям.

Я учил их чадо музыке, вокалу, рассказывал, чем отличается чистая кварта от чистой квинты и почему они обе две такие чистые. Я придумывал песни, потому что мне было скучно петь заезженные детские хиты из книжек, написанных

в середине девяностых. Помню одну из таких песен, которая родилась на коленке, перед уроком. «Привет, добрый мир! Я — маленький вампир. У вас в глазах испуг. Укушу кого-то вдруг». Они, мои ученики и ученицы, неоспоримо прекрасны, потому что они — дети, их разрушительная, порой экстремистская сила вызывает у нас, взрослых, снисходительную радость, умиление: цветы жизни, растите, ошибайтесь, разбивайте лбы и коленки, наполняйте знаниями об этом мире ваши стебельки, а мы будем ждать, когда все, что мы заложили в вас, даст свои щедрые плоды.

Маленькие вампиры моего сердца. Кто-то из них связал жизнь с музыкой, кто-то облегченно вздохнул, когда занятия наконец закончились и больше не продолжались. Обстоятельства сами складывались таким образом, что нам нужно было прекращать: то не было времени, то желания, то не было сил или финансовой возможности, и много других «не было».

Вчера сидел на лавке в районе метро «Трубная», ел шоколадно-банановый синнабон, параллельно листал книгу о цветоводстве в Питере, заляпал страницу шоколадным пальцем, пытался поправить ситуацию, сделал только хуже. Подумал, пусть будут теперь на странице мои папиллярные шоколадные линии. Если я не вернусь к этой книге, ее откроет моя дочь или сын и скажет: ну и свинья был мой папка. Пусть пройдут годы, пусть рождаются и растут дети. Мои, чужие, ваши, наши.

Вижу на детской площадке знакомое лицо. Не узнаю фигуру, вытянутую как струна, но лицо до боли знакомое. Моя ученица. Снимает с подружкой тикток и рассказывает о поп-ите. Я держусь и не покупаю себе поп-ит, хотя он, наверное, помог бы мне сейчас в моем нестабильном душевном состоянии. Поп-ит — не синнабон, он не превратится в подкожный жир. Он радужно-радушный, безопасный, открытый к моим и твоим нервякам. Я слышал, что изначально эта игрушка создавалась для детей с отставанием в развитии. Это многое проясняет.

Я мог бы окликнуть свою бывшую ученицу (а бывают ли бывшие), но я не был уверен, чистое ли у меня лицо после шоколадно-бананового синнабона, булка была офигительно вкусная, и здесь уже было не до чистоты, я был во власти липкой сладости. Я убрал книгу, собрал вещи с лавки и поплелся куда глаза глядят, уходил то ли от своей бывшей ученицы, то ли от тени прошлого, вдруг набежавшей на меня. Песню про вампира я как раз написал для нее, ей было шесть, в те времена тик-ток еще не был таким насущным и вездесущим, я думал, что мой кровавый хит зайдет ей на ура. Нет, она серьезно прослушала его в моем чуть аффектированном (всегда) исполнении, а потом так по-взрослому сказала: «Мама попросила меня потерпеть еще год, и потом я не буду заниматься музыкой». Больше я к ним не приходил, сослался на большую занятость в театре, которого у меня тогда и в помине

не было. Год мучений, занятия два раза в неделю. Разве можно заставлять ребенка заниматься искусством через силу? Нет и еще раз нет. На самом деле я радуюсь за своих учеников, каждому и каждой я благодарен за опыт. Одна из моих учениц, которую я вел с трех лет, теперь живет в Испании, занимается моделингом и даже поет в свободное от подиума время. Я смотрю ее новые видео в Инстаграме и не узнаю повзрослевший голос, помню, что, когда мы занимались, она не выговаривала добрую половину букв, и меня это жутко веселило, сейчас думаю, как бы она отреагировала, увидев меня теперь. Засмушалась бы, наверное, покраснелась. Хотя, нет, не думаю. Это мы, старая гвардия учителей, сентиментальны и памятьливы. Я бы точно покраснел. И не от стыда, не от того, что она там, а я здесь, а от того, что своими глазами вижу дикий ход времени. Год — за два, а то и за три. Время стирает многое, слизывает, вот как я сейчас крем со своих пальцев, но оставляет что-то незапланированное, как пятно на книжке о цветах в Питере. И делает книжку запятнанной памятью, уникальной и только моей.

Недавно выложил свое фото, где я счастливый, удивительно молодежавый, похожий на того, шестилетней давности, когда только-только приехал в Москву. Признаюсь, что даже увеличил фотку, чтобы лучше рассмотреть, каким это таким светящимся веществом наполнены глаза. Фотограф уловил сиюминутное счастье.

Оно возникает и в преподавании, когда ты давно отпустил своего ученика, а он идет своей дорогой, ты лишь указал ему путь, дал вектор, он мог свернуть, проявить своеволие, а нет, он идет туда, куда ты ему указал.

Одна из мам оставила под той счастливой фоткой коммент: «Спасибо вам за все! От Глеба привет».

Когда я приехал на первое занятие с Глебом, он сыграл мне на электронном фортепиано только что сочиненную мелодию. Когда наш часовой урок подходил к концу, он злился на время, что оно пролетело слишком быстро. Он ругался на свою голову, которая почему-то вдруг разболелась перед самым уроком и настойчиво мешает ему заниматься. Он любил играть в футбол и, разгоряченный от игры, прибежать домой и сыграть новую мелодию, которая родилась там, на футбольном поле, когда мяч летел в ворота противника. Сейчас Глеб успешно (= в удовольствии) учится в музыкальной школе, перейдет в третий класс.

Период преподавания спас меня от безденежья, он вытаскивал меня за волосы из болотца уныния. Маленькие вампиры высасывали мою кровь, но оставляли после себя что-то более важное.

Сейчас у меня нет учеников, я бегу от преподавательской деятельности, отказываюсь от предложений. Я знаю, что меня снова затянет как в воронку. Дети всегда существуют «на опережении», они — интуиты и чувствуют каждой клеткой

послезавтрашний день, и необходима огромная сила для того, чтобы понять, чем они дышат сейчас, пускай это увлечение кажется проходящим, пустяковым, но нет, оно электризует их интерес, не дает им покоя. Из этой искры и надо раздуть пламя. Надувать щеки и дуть, дуть, дуть. Ты должен гореть вместе с ними. Только так, а не иначе. Твое пламя перекинется на ученика, ты останешься гореть, пока не превратишься в горсть благодарного пепла, а он, поддерживая твой-свой огонь, пойдет по дороге, которую ты ему указал. Или не пойдет.

Благодарный пепел не должен волноваться, достиг ли ученик до цели или же свернет, он должен безмятежно развеяться над океаном жизни, или съесть бананово-шоколадный синнабон, или купить, наконец, этот поп-ит.

В последнее время, когда сижу на лавках в разных районах Москвы, ко мне всегда прилетает голубь, и мне кажется, что это один и тот же голубь. Он смотрит на меня так, как самый лучший ученик на земле.

Он готов ловить каждую мою крошку.

2. ИЗМЕНЕНИЕ ФОРМЫ

Ты не знаешь, о чем будет твой новый текст, но ты можешь увидеть его ответ в предыдущем.

Я отправил эссе «Благородный пепел» в редакцию одного из журналов. На следующий день, к моему огромному счастью и удивлению, мне ответили. Эссе заинтересовало, но оказалось крохотным по объему. Также редактор спросил меня, нет ли в моем запасе истории, связанной с особыми людьми. И тут меня пронзило. Я не знаю, что это. Мистика или тонкая режиссура судьбы, но буквально за неделю до письма от редактора я сделал попытку стать ближе к особым людям. Я написал директору «Театра Простодушных» Дмитрию Чернэ. Об этом театре я узнал из инстаграм-аккаунта фотографа Александра Гребешкова. Монохромные фотографии с показа спектакля по пьесе Алексея Ремизова остановили мое внимание, напугали, встревожили. Я перешел по ссылке и оказался на страничке «Театра Простодушных».

Увидел, что после безвременного ухода из жизни основателя театра, главного режиссера Игоря Неупокоева, коллектив, оправившись от потери, постепенно обретает новую жизнь и приглашает к сотрудничеству режиссеров со стороны. Я написал Дмитрию с прямым и простым вопросом: нужен ли театру режиссер? Простота — хуже воровства. Ответа на мой вопрос не последовало.

Я отбросил эту идею, тем более в моей голове не было конкретного материала, который я мог бы предложить к постановке, сказать по правде, я вообще мало представлял, кому и куда пишу. Мне просто была нужна режиссерская работа, и я рассылал веером свое портфолио.

Рядом с домом, где я живу, располагается центр для особенных детей. Идя к метро, я всякий раз прохожу мимо зарешеченных окон и вижу висящую на здании табличку: «Особые дети иногда могут кричать и необычно себя вести».

Я никогда не слышал криков и не видел ничего необычного, потому что я проходил мимо. После письма от редактора я повторно написал Дмитрию Чернэ и спросил, есть ли возможность присутствовать на репетиции, объяснил, что пишу материал об особых людях, о том, как они существуют в пространстве театра. Дмитрий ответил мне через две минуты:

Сегодня в 15:00 мы репетируем в СПИД-центре на Сыромятнической. Приезжайте.

Меня встретили Дмитрий и Соня. Соня — волонтер центра, и сегодня у нее был первый рабочий день. Для нее, как и для меня, сегодня все было здесь впервые, и мне стало не так волнительно. Соне девятнадцать лет, она год прожила в Венеции, училась там на архитектора, но поняла, что не может без России, и вернулась на родину, где хочет найти свое дело, а главное — быть полезной людям. Сегодня Соня — своего рода помощник режиссера, наливает чай актерам, угощает их печеньем, помогает переодеться из уличной одежды в репетиционную. Дмитрий Чернэ предупредил меня, что сегодня будет не весь состав, только трое. Кто-то изолировался на даче и боится вируса, кто-то недавно сделал прививку и отходит от нее, кого-то не смогли привезти родители, а кто-то вообще уехал в отпуск.

В репетиционном зале меня встретила Вика.

«Привет! Меня зовут Денис. Я посижу на репетиции, ты не против?» — осторожно спросил ее. Она подошла ко мне на цыпочках, улыбнулась эльфийской улыбкой, протянула руку. Рука была холодной, но уверенной. «Меня зовут Вика, очень приятно». Снова улыбнулась.

Я не мог определить, сколько Вике лет, да и сама она запуталась в цифрах, когда я спросил ее об этом. Бестактный вопрос она восприняла с детской гордостью и сказала, что ей 23. Потом оказалось, что Вике 32 года, у нее синдром Уильямса, для которого как

раз характерны такие эльфийские черты лица, широкий лоб, разлет бровей, неестественная и не сходящая с лица улыбка. У Вики задержка умственного развития, но я не могу сказать, что это так уж бросается в глаза. Пока мы ждали двух опаздывающих актеров, коллег Вики по сцене, она успела рассказать мне всю свою жизнь.

Меня поразила ее словарный запас, она могла витиевато выражаться, но все словесные формулы были клишированные, как будто заготовленные. Раньше она жила в Ясенево, а теперь они с мамой переехали на Кантемировскую, там как раз строят огромную эстакаду. Папа у Вики — детский хирург, мама — врач, но сейчас работает парикмахером на дому. Это она сделала Вике модную прическу во французском стиле, «под мальчика».

«Как я выгляжу? Тебе нравится?» — спросила Вика, а потом за время нашего разговора еще несколько раз повторила этот вопрос. Ее очень волнует внешний вид, она стесняется себя, переживает, что сегодня в метро поймала косой взгляд на себя.

Я искренне сказал Вике, что мне нравятся ее белая кофточка (связала бабушка крючком), салатовые брюки (подарила мама на день рождения 9 февраля), белые носочки и голубые сандалии (чуть натирают правую ногу).

Еще Вика пожаловалась мне, что ей не уступают место в метро. Потом она вспомнила о своей ссоре с мамой. Причины ссоры Вика уже не помнила,

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	5
1. БЛАГОДАРНЫЙ ПЕПЕЛ.....	7
2. ИЗМЕНЕНИЕ ФОРМЫ	13
3. ПРАВО НА МОНОЛОГ	25
4. МЕЖГЛАВНЫЙ СОН. ВАВУ ВОХ.....	42
5. 95 ШАГОВ.....	48
6. ПОЭМА О КРАСИВОЙ ЛЮБВИ.....	61
7. МЕЖГЛАВНЫЙ СОН. УЧИТЬСЯ УХОДИТЬ.....	74
8. ТРИ ПОРТРЕТА	83
9. ПРЕДЧУВСТВИЕ ВСТРЕЧИ	100
10. МЕЖГЛАВНЫЙ СОН. ПРОСЬБА.....	107
11. ПРОСТЫЕ ДВИЖЕНИЯ	112
12. ЗУРАБ. В ПОИСКАХ СЦЕНЫ	121
13. Я В ДОМИКЕ	134
14. МЕЖГЛАВНЫЙ СОН. КРАСИВАЯ БАБОЧКА.....	141
15. ОПРОСНИК ЗУРАБА	145
16. ДВЕ КОРОТКИЕ ВСТРЕЧИ НА ПОЛЯХ КНИГИ.....	152